

УДК 82-32

Богданова О. В.

доктор филологических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник
НИИ образовательного регионоведения
Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена
olgabogdanova03@mail.ru

Некрасов С. М.

доктор культурологии, профессор,
директор Всероссийского музея А. С. Пушкина
(филиал — Мемориальный музей-квартира Н. А. Некрасова
в Санкт-Петербурге)
nekrasoff@mail.ru

**ФИЛОСОФИЯ ПЬЯНСТВА В ПОЭМЕ Н. А. НЕКРАСОВА
«КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО»¹**

В статье предлагается новый взгляд на поэму Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» и в частности на философию народного пьянства (глав «Пьяная ночь»). В работе показано, что изначально принятая Некрасовым установка на народность поэмы столкнулась с тенденциозностью замысла: собственные убеждения Некрасова-личности оказались потесненными общими демократическими идеями, исповедуемыми Некрасовым-поэтом. Если друзьям Некрасов признавался, что единственным счастливым человеком на Руси, по его мнению, может быть пьяный, то в поэме — «эпосе крестьянской жизни» — личностное представление оказалось потесненным общегосударственной заботой о пьющем народе-труженике, социальном страдальце. Разнесенность двух конфронтующих полюсов проблемы пьянства («пить или не пить?») дополняется в поэме Некрасова третьим слагаемым — мотивом пьянства-богатырства, в котором суть русского богатырства состоит в способности выпить непомерно больше других.

Ключевые слова: Н. А. Некрасов, поэма «Кому на Руси жить хорошо», глава «Пьяная ночь», философия пьянства

Поэма Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» (1863–1877) традиционно считается одним из лучших произведений русской литературы середины XIX века. Названная «эпопеей современной крестьянской жизни» [1,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00272 «Н. А. Некрасов: pro et contra. Личность, деятельность, творческое наследие Некрасова в оценках отечественных мыслителей и исследователей»

601] поэма, кажется, емко и многогранно охватывает все стороны российской действительности пореформенной поры. Между тем возникает сомнение: действительно ли поэтическое творение Некрасова обретает размах эпический и не просматривается ли в нем отчетливая демотическая тенденциозность? не выглядит ли изображение пореформенной действительности односторонним, тенденциозным и не вполне объективным?

С одной стороны, замысел поэмы, в которой герои-странники отправляются в дальнее путешествие в поисках ответа на вопрос «Кому живется счастливо, вольготно на Руси?», несомненно, масштабен и уже в исходной интенции эпичен. Главный вопрос, который ставят перед собой герои, обширен и всеобщ: *кому...* Между тем сразу возникает дилемма: почему пытливыми персонажами, ищущими истину, у Некрасова оказываются крестьяне, герои малоопытные, необразованные, как определено в самой поэме — далеко не умные. Например, о Луке:

Лука — мужик присадистый
С широкой бородищею,
Упрям, речист и *глуп* [1, 17].

И позже о нем же — «дубина деревенская» [1, 25].

Социальный статус героев существенно локализует эпический ракурс поэтического обозрения, тем более что центральные персонажи поэмы оказываются выходцами из бедных и скудных деревень —

Подтянутой губернии,
Уезда Терпигорева,
Пустопорожней волости,
Из смежных деревень:
Заплатова, Дырявина,
Разутова, Знобишина,
Горелова, Неелова —
Неурожайкатож [1, 5].

Персонажи поэмы репрезентированы как нуждающиеся в сочувствии и сострадании бедняки. Наверняка познавшие горе — голод, неурожай, пожары — временнообязанные герои-крестьяне вряд ли обладали обширным кругозором и глубокими жизненными знаниями для решения экзистенциального вопроса, возникшего в их «мужицком разуме» [1, 19]. Ономазиологически значимые — «говорящие» — имена их сёл заставляют предположить, что представление о счастье «крестьян-лапотников» [1, 16] сконцентрировано вокруг проблем житейского достатка, а точнее *богатства*, или *«богачества»* [1, 22], как звучит в поэме. Неслучайно, желая знать, кому живется счастливо на Руси, герои-кре-

стьяне сразу и уверенно называют представителей состоятельных слоев общества —

Роман сказал: помещику,
Демьян сказал: чиновнику,
Лука сказал: попу.
Купчине толстопузому! —
Сказали братья Губины,
Иван и Митродор.
Старик Пахом потужился
И молвил, в землю глядячи:
Вельможному боярину,
Министру государеву.
А Пров сказал: царю... [1, 5]

Задуманная и создаваемая в первые годы после отмены крепостного права поэма о народной жизни (как ни странно) оказывается исходно ориентирована на господ, а не на крестьян, только что получивших волю, хотя применительно к последним именно таковая установка — «живется *вольно/вольготно*» — была бы исторически оправдана и эпична по размаху. То есть философский вопрос «кому живется счастливо...», масштабно заявленный на титульном уровне, уже на этапе завязки поэмы стремительно сворачивается в тенденциозный ракурс, ориентированный на социальное неравенство: крестьяне ↔ господа. Народ, только что получивший долгожданную свободу, исходно оказывается вне пределов авторского поэтического исследования, его герои из низов а priori признаются несчастливими².

Стержневой образ-символ дороги позволяет Некрасову сюжетно организовать наррацию в поэме «Кому на Руси жить хорошо», дает возможность низывать на сквозной мотив новые впечатления и фабульные события, суммировать элементы общей картины. Столкнув в первой главе странников с попом и в пятой главе с помещиком, автор далее планировал (и даже частично осуществил) встречу персонажей с «купчиной толстобрюхим» и с чиновником «акцизным» [см.: 5, 144–147]. В последующем герои (и автор) должны были достичь столичного Петербурга — возможно, ради встречи с вельможей госу-

² Алогизм и непоследовательность замысла поэмы неоднократно привлекали внимание исследователей. Так, Б. Я. Бухштаб отмечал, что некрасовский замысел нельзя не признать «странным»: «Странность заключается в том, что заданный в заглавии вопрос остается, во-первых, без ясного ответа, а во-вторых, словно и не предполагает ответа — по сути подразумевается, что счастливых на Руси попросту нет, что в какой-то степени обесмысливает поиски странников, на которых и строится поэма...» [2, 118]. Исследователь Л. А. Евстигнеева размышляет о том, почему в финальной (написанной последней) главе «Пир на весь мир» «странники никого не спрашивают о счастье и даже забывают о том...» [3, 400]. По верному наблюдению Ю. И. Красносельской, в поэме Некрасова «сама проблема счастья оказалась не просто принципиально нерешаемой, но и вообще, как ни парадоксально это звучит, не столь существенной» [4, 129].

даревым, а, может быть, (при счастливых и фантастических обстоятельствах) и с царем [см.: 2, 108–135].

Однако в складывающейся фабульно-композиционной ситуации диалог крестьян с попом и позже с помещиком, претендентами на роль счастливых, почти окончательно должен был привести героев-странников к мысли о бесперспективности поисков того (тех), «кому живется счастливо, вольготно на Руси». Каждый из тех покойных и богатых («богатеиных») социальных слоев, которые крестьянами были предложены изначально: поп, помещик, вельможа... царь — должен был неизбежно продемонстрировать (как показали главы «Поп» и «Помещик») неоднозначность человеческой жизни, выявить бытийные перипетии человеческого пути, экзистенциальную невозможность достижения полного и абсолютного счастья. Найти вечно и во всем счастливых героев крестьяне-странники, со всей очевидностью, не могли — причем не только на Руси, но и в чужеземных странах, если бы они решились на таковое странствие. Тонкий и пытливый лирический герой Пушкина уже более четверти века назад — почти формульно, поэтически лаконично — констатировал: «На свете счастья нет...»

Если бы Некрасов избрал в качестве взыскующей инстанции героя пытливого, мыслящего, могущего проникнуть в бытийные катаклизмы человеческого существования, то персонажи-путешественники вскоре осознали бы, что им (уже после встречи с попом) пора возвращаться по домам. Поэма приобрела бы философическое — диалектическое — завершение. Между тем Некрасов лишает своих «крестьян-лапотников» [1, 67] подобной мудрости. Путь героев продолжается. При этом магистральная задача вывести в качестве главных персонажей-искателей именно представителей простого народа, задать, кажется, безапелляционные координаты счастья — «покой, богатство, честь» (которые озвучит вначале поп, а потом повторит крестьянка Матрена Тимофеевна) — ставит автора (и героев) в ситуацию *бесконечности* поэмы, (почти) принципиальной невозможности ее завершения [см. об этом: 3].

Однако в ходе повествования не только мужицкая (не)способность суждения, но и позиция автора-нарратора оказывались подвергнутыми испытанию. Задумав сделать господ-богатеи (мнимыми) счастливыми, Некрасов-автор попадал в ситуацию, когда, с одной стороны, его «демократический инстинкт» (Я.П. Полонский) мог бы продиктовать ему задачу превратить поэму в *сатирическое* обличение обеспеченных сословий (в духе разночинной сатиры Салтыкова-Щедрина), с другой стороны, его «аристократическое происхождение» (точнее намерение и желание быть таковым и быть среди таковых) не могло смириться с этим и (вольнo или невольнo) проявлялось в картинах *поэтизации* «дворянских гнезд» и разгульного помещичьего барства. Интенция соблюдения «нейтралитета» (по воспоминаниям современников, в целом свойственная Некрасову как личности) приводила к биполярности его авторского нарративного намерения, к невозможности однозначно квалифицировать образованных

и мыслящих героев дворян-аристократов то ли счастливыми, то ли несчастливцами (напр., по типологии сценических героев А.Н. Островского). В поэме складывалась ситуация, когда «низы» (крестьяне) не могли разрешить поставленный вопрос, а «верхи» (автор) не хотели превращать поэму в уплощенную сатирическую карикатуру. Возможно, именно на данном этапе внимание Некрасова (и его героев) могло (и должно было) переключиться на характеры из народа, на образы возможных счастливых-несчастливых из среды крестьян. В таком случае действительно происходила подмена (или существенная корректировка) концепции и идейного замысла поэмы, о которой неоднократно писали исследователи [см. об этом: 6], — представители высших сословий, с которыми должны были встречаться странники, отходили на второй план (хотя и не исчезали окончательно из поля зрения автора и героев), а обреченные быть счастливыми/несчастливыми персонажи-крестьяне открывали Некрасову возможность развернуть эпическую картину народной жизни.

При такой деструкции фабульно-сюжетного замысла появление на пути крестьян-странников села Кузьминского открывало для них (и для автора) новые перспективы. Герои Некрасова при виде огромного села Кузьминского (глава «Сельская ярмонка») допускают предположение: «Не там ли он скрывается, / Кто счастливо живет?..» [1, 29].

Погрузив героев в атмосферу и события ярмарочного дня в богатом селе Кузьминском, Некрасов получает возможность показать простонародье в день праздничный, благополучный и счастливый. Народ сыт, пьян и радостен, благодушен и доволен. В главе III— «Пьяная ночь» — поэт обнаруживает (и предлагает) емкий, заставляющий обратить на себя внимание ракурс философии счастья.

Как известно, одним из вариантов завершения поэмы «Кому на Руси жить хорошо» был тот, по которому искомым крестьянами счастливым оказывался пьяный. По воспоминаниям Г. И. Успенского, на вопрос о возможном счастливице «Николай Алексеевич <...> улыбнувшись, произнес с расстановкой: “Пьяному!”». По Успенскому, в финале поэмы крестьяне-странники на пересечении дорог останавливаются в кабаке, где встречают мужичка, «подпоясанного лычком», и в разговоре с ним за чарочкой выясняют, что он и есть счастливый [7, 374–375]. О сходном варианте завершения поэмы вспоминает и Н. К. Михайловский: «иронически-скорбный ответ» автора поэмы, с улыбкой горькой — «хмелю» [8, 22].

По предположению В. В. Гиппиус, мысли Некрасова о пьянице-счастливце относятся примерно к 1872–1874 годам [9, 303]. Однако текст главы «Пьяная ночь» позволяет предположить, что подобные мысли посещали поэта и раньше, в период начала работы над частью первой — содержание главы «Пьяная ночь» становится тому свидетельством.

Современники-соратники Некрасова считали финал, (предположительно) связанный с образом пьяницы, обличительно-сатирическим и (на этом основа-

нии) мало согласующимся с прославляющим демократическим духом поэмы, обедняющим ее [10]. Однако в начале XX века исследователь В. Е. Чешихин иначе взглянул на ту же проблему и предложил считать «пьяный» финал серьезной находкой Некрасова. По мысли Чешихина, финальный образ пьяницы никак не обеднял содержание поэмы, а скорее философизировал его. Чешихин рассуждал: «Обычно это <возможный финал> понимают как сатирическую выходку: почувствовать себя блаженным в русском царстве нищеты и скорби человек может только в состоянии пьяного угара. Но такое объяснение звучит слишком бедно и мелко. В подпоясанном лычком человеке, открывающем истину мужикам, можно видеть олицетворение отрешившегося от житейских уз скитальца, свободного, как птица небесная, и тогда настроения Некрасова связываются естественно с столь русскими, чисто архаическими мечтами, бродящими в русской душе. Предполагаемый герой-пьяница мог быть представителем русской бродячей вольности...» [11, 40].

Сегодня вряд ли можно принять всерьез суждение Чешихина о пьянице как «архаическом» представителе «русской бродячей вольности», тенденциозность интерпретации очевидна. Однако, признавая допустимость различных интерпретаций, следует внимательнее присмотреться к возможному «пьяному» финалу поэмы.

В современных условиях, когда произошло сближение философии Запада и Востока, когда Россия все чаще осознает себя частью восточного мира, когда древняя восточная мудрость восхищает не менее античных диалогов Платона или афоризмов Аристотеля и Сократа, едва ли не каждому знакома восточная притча о Будде и пьянице, по которой монах, исправно и усердно в течение долгих лет проводящий время в молитве, по утверждению Будды, еще долго не достигнет нирваны, тогда как запойный пьяница, валяющийся в придорожной канаве, «уже там». Восточная мудрость со всей глубиной и мотивированностью признает причастность пьяницы к нирване (иначе — к сансаре, умиротворению, внутреннему душевному благоденствию, отрешению от всего сущего).

Признавая счастье за героем-пьяницей, Некрасову не нужно было настраиваться на сатирический тон, ему не было необходимости маскировать в образе пьянчуги «вольного бродягу-бунтаря», поэту достаточно было довериться истинности восточной философской притчи (как это делали другие талантливые писатели³). Однако Некрасов — в духе демократической тенденции, близкой ему и его соратникам — социологизировал идею-притчу, мысль-наблюдение, о которых говорил первым слушателям поэмы. При этом вполне возможно, что Некрасов даже не знал восточной притчи, не имел ее в виду, но ему достало ума осознать допустимость и правомерность «пьяного» решения «экзистенциальной» проблемы.

³ Подобный мотив восточной притчи был неоднократно использован, например, в русской литературе начала XX века Н. Гумилевым и Е. Блаватской, в зарубежной литературе — Г. Гессе в его знаменитом «Сиддхартхе».

Вместе с тем философия пьянства, которую предлагает Некрасов, совершенно иная — не коррелирующая с буддийской притчей, но и не сводимая к популярной в середине XIX века *проблеме* пьянства русского народа, спивающихся крестьян, получивших волю и не знающих, что с нею делать, т. е. к намерению поэтически воззвать к борьбе с пьянством.

Об обилии питейных заведений, открытых в тот период в Российском государстве, и о множестве пьянствующих мужиков многократно писали историки и культурологи, занимавшиеся изучением последствий Манифеста Александра II [12; 13; 14]. Этому «крестьянскому бедствию» посвящены и многие строфы поэмы «Кому на Руси жить хорошо» — бражных и питейных сцен в поэме Некрасова множество, и они разнообразны [15, 69–82].

Уже одну из самых первых сцен поэмы сопровождает водка:

Приспела скоро водочка,
Приспела и закусточка [1, 7],

как только крестьяне расположились на первый ночлег в лесу.

В сказочной ситуации с пеночкой, птичкой-благодетельницей, вслед за просьбой о «полпуде хлеба» немедленно следует просьба крестьян-странников о водке: «Да по ведру бы водочки...» [1, 11]. Причем пеночка понимает, что запросы русских крестьян могут быть много больше, потому она предупреждает:

«А водки можно требовать
В день ровно по ведру.
Коли вы больше спросите,
И раз и два — исполнится
По вашему желанию,
А в третий быть беде!» [1, 13–14]

Очевидно, что сказочный запрет (по В. Я. Проппу) должен (мог) явиться в ходе развития поэмы этапом поворотной динамики сюжета, связанной с питием, однако у Некрасова он не реализован и не завершен (судя по сохранившемуся тексту поэмы — забыт, свернут, опущен, хотя именно таковой элемент сюжета мог бы приблизить повествование к «пьяному» финалу).

Питейных заведений много и на ярмарке в Кузьминском:

Помимо складу винного,
Харчевни, ресторации,
Десятка штофных лавочек.
Трех постоянных двориков,
Да «ренского погреба»,
Да пары кабаков,

Одиннадцать кабачников
Для праздника поставили
Палатки на селе [1, 30].

Потому к вечеру ярмарочного дня

Народ идет — и падает,
Как будто из-за валиков
Картечью неприятели
Палят по мужикам! [1, 38]

В силу вступает прием олицетворения, когда тракт, на котором оказываются герои, оживает и превращается в «дорогу стоголосую» [1, 38], говорящую различными языками, теми отрывочными репликами-возгласами хмельных мужиков и баб, которые слышат странники на своем пути.

Дорога многолюдная
Что позже — безобразнее!
Всё чаще попадают
Избитые, ползущие,
Лежащие пластом.
Без ругани, как водится,
Словечко не промолвится,
Шальная, непотребная,
Слышней всего она! [1, 41]

Картина пьянства и разгула — обширна и многоголоса, исполнена радости и печали, пьяных жалоб и веселых возгласов, просьб и проклятий. И на этом фоне Некрасов вводит в повествование провокативное суждение героя-демократа, собирателя русского фольклора Павла Веретенникова, персонажа народолюбивого (всп. эпизод с козловыми башмаками) и достойного быть услышанным:

«Умны крестьяне русские,
Одно нехорошо,
Что пьют до одурения,
Во рвы, в канавы валятся —
Обидно поглядеть!» [1, 41]

Герой Веретенников озвучивает точку зрения, доминировавшую в сообществе просвещенной интеллигенции середины XIX века, озабоченной усилением пьянства среди простого народа после отмены крепостного права [16, 7–13]

и тем самым выводит повествование на «пьяную проблему». Казалось бы, Некрасов, несомненно, солидарный с позицией героя-демократа, собирателя народной мудрости Павла Веретенникова, должен был остановиться на этой проблеме и (может быть, даже) обнаружить собственный лирический голос, возвысившийся до привлечения внимания к бедствию общегосударственного масштаба. Однако Некрасов выдвигает иной ракурс проблемы — по-своему убедительный и даже онтологизированный, но далекий от общепринятой установки на пьянство-бедствие.

В текст поэмы вводится выделенный — самостоятельный — голос крестьянина Якима Нагого, своеобразного крестьянского философа-мыслителя. У персонажа, способного к самоанализу, наличествует собственный взгляд на народное пьянство — может быть, не абсолютный, но весомый и допустимый.

По мысли героя Некрасова, народное пьянство — не порок, но проявление силы русского характера. В ответ на замечание Веретенникова об «одуряющем» пьянстве русского мужика, Яким возражает:

Чему ты позавидовал!
Что веселится бедная
Крестьянская душа? [1, с. 42]

И аргументы Нагого по-своему резонны и заслуживают внимания:

Пьем много мы по времени,
А больше мы работаем,
Нас пьяных много видится,
А больше трезвых нас.
По деревням ты хаживал?
Возьмем ведро с водкою,
Пойдем-ка по избам:
В одной, в другой навалятся,
А в третьей не притронутся —
У нас на семью пьющую
Непьющая семья! [1, 42]

Герой Яким наблюдателен и способен к умозаключениям:

<...> Видывал
В страду деревни русские?
В питейном, что ль, народ?
У нас поля обширные,
А не гораздо щедрые,
Скажи-ка, чьей рукой

С весны они оденутся,
А осенью разденутся? [1, 42]

Крестьянин-философ признает, что «Нет меры хмелю русскому», но задается вопросом: «А горе наше меряли? / Работе мера есть?» [1, 43]. С его точки зрения, народное питье — утешительный эквивалент крестьянского горя:

Вино валит крестьянина,
А горе не валит его?
Работа не валит?
Мужик беды не меряет,
Со всякою справляется,
Какая ни приди.
Мужик, трудясь, не думает,
Что силы надорвет,
Так неужли над чаркою
Задуматься, что с лишнего
В канаву угодишь? [1, 43]

То есть устами философствующего героя Некрасов предлагает альтернативное понимание проблемы народного пьянства — не сожаление и печаль, а гордость и восхищение мощью русского пьяницы.

Жалеть — жaley умеючи,
На мерочку господскую
Крестьянина не мерь!
Не белоручки нежные,
А люди мы великие
В работе и в гульбе!.. [1, 44]

Неожиданный взгляд на народное бедствие — на повальное пьянство свободных, точнее временнообязанных крестьян — доверяется Некрасовым представителю народа, но что важнее — персонажу думающему, размышляющему, способному к (само)анализу. Из яркого монолога вдумчивого персонажа становится очевидной интерес Некрасова к философии (не проблеме) пьянства, образ Нагого словно подсказывает (указывает на) предрасположенность поэта к поискам народного счастья через пьянство (как возможный и допустимый вариант) — причем уже на самом раннем этапе создания поэмы.

Между тем, как было подчеркнuto ранее, современники (и соратники) Некрасова воспринимали мотив счастья-пьянства как мотив иронический, даже сатирический, т. е. в конечном счете — облегченный. И, надо полагать, прямо высказывались на этот счет. В силу особенностей «податливого» (и зависимо-

го) таланта Некрасова поэт не мог не учитывать этих суждений и оценок — потому прозвучавшая философическая сентенция Якима Нагого «снимается» автором с обсуждения, остается без комментария и рефлексии (автора или героев), она «повисает» в тексте поэмы, не будучи удостоенной художественной интерпретации, даже поверхностной аксиологии.

Между тем ключевые точки «пьяной философии» требовали от Некрасова поэтического комментария. Дело в том, что алогизм философической аргументации Нагого очевиден. Применительно к словам: «Так неужли над чаркою / Задуматься, что с лишнего / В канаву угодишь?» — логика рассуждений подсказывает, что в данном случае речь должна сводиться не к канаве, а к последствиям пьянства как для самого пьяницы, так и для крестьянской семьи. Но никто из некрасовских героев-слушателей не противоречит Якиме — окружающие с ним соглашаются:

Крестьяне, как заметили,
Что не обидны барину
Якимовы слова,
И сами согласились
С Якимом: — Слово верное:
Нам подобает пить! [1, 47; выд. нами. — О. Б., С. Н.]

У пьянства появляются резоны и оправдания, почти восторженно императивный призыв:

Пьем — значит, силу чувствуем!
Придет печаль великая,
Как перестанем пить!..
Работа не свалила бы,
Беда не одолела бы,
Нас хмель не одолит! [1, 47]

Звучное слово некрасовского героя кажется (почти) убедительным, почти прославляющим, почти императивно призывным. Столь остранный персонаж должна была вызвать ответную реакцию повествователя или героев-слушателей, например, «разумной головушки» [1, 47] Павлуши Веретенникова. Однако происходит обратное — еще недавно осуждающий пьянство, герой-интеллигент распропагандирован, он удивительно легко принимает новую философию пьянства-богатрства и как бы в похвалу мудрости героя,

Якиме Веретенников
Два шкалика поднес [1, 47].

Близкий автору герой-фольклорист, герой-гуманист Веретенников неожиданно быстро меняет собственную точку зрения, а сам повествователь (вместо возможного комментария) умело отвлекает читателя от дальнейшего углубления в новую «пьяную философию» и переводит взор читателя-реципиента на другую историю, связанную с Якимом Нагим, — на трогательную историю с лубочными картинками, спасенным крестьянином во время пожара. Ставшая эпицентром рассказа о Якиме Нагом история с лубками заслоняет собой суждения героя о правомерности пьянства на Руси, о богатырстве пьющего русского народа. И таким образом сюжетный виток поэмы «забывается», вытесняется, остается незавершенным.

Как можно понять, «оправдательная» философия пьянства (на какой-то краткий момент) заслонила собой социальный бичующий ракурс поэмы, нивелировала его, ибо задача поэта изначально состояла в том, чтобы говорить о *классовых* причинах бедствий народных, в том числе о классово-социальных причинах пьянства, а не о философии оправдания пьянства, о выведении на первый план образа счастливого-пьяницы. Можно предположить, что на какой-то момент Некрасов обнажил (обнаружил) собственное, а не тенденциозно скорректированное понимание проблем пореформенного времени, в том числе неоднозначности русского национального характера и отношения народа к пьянству. Но намерение быть (прочно оставаться) в русле актуальных проблем современности, т. е. в пределах идейно-социальной тенденциозности, заставляет Некрасова вновь и очень скоро вернуть сюжет поэмы к знакомой демократически-интеллигентской (разночинной) мотивации проблем народной жизни и оставить за пределами поэтического текста один из неординарных поворотов его нестрогого философствования.

Надо полагать, что глава «Пьяная ночь» могла бы (должна была) завершить поэму «Кому на Руси жить хорошо». Неслучайно замечание нарратора о чувствах, начавших одолевать странников в конце главы «Пьяная ночь»:

Им крепко захотелось
Скорей попасть домой... [1, 49]

Однако демократические (умственно-рационалистические) интенции поэта и прагматический настрой главного редактора журнала «Современник» диктовали Некрасову необходимость «выпрямления» ход поэмы, банализации его. Поэт наметил оригинальный (хотя и спорный) ракурс проблемы, но отказался от его реализации и развития. Собственно некрасовское понимание искомого счастливого на Руси («Кому живется счастливо...») как беспробудного пьяницы могло дискредитировать представление о Некрасове как поэте народном, о Некрасове-демократе, о Некрасове-народолюбце, потому философия поиска счастья на этом пути в главе «Пьяная ночь» (как и во всей поэме) оказалась свернутой, оставленной без динамики, неактуализированной. Некрасов-лич-

ность и Некрасов-поэт (как и в ряде других случаев [17]) не совпали, не совместились, не «договорились». Тенденциозность возобладала над философичностью.

Список использованной литературы

1. Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем: в 15 т. Л., СПб.: Наука, 1981–2000. Т. 5. Кому на Руси жить хорошо. Л., 1982. 688 с.
2. Бухштаб Б. Замысел поэмы «Кому на Руси жить хорошо» // Бухштаб Б. Н. А. Некрасов. Проблемы творчества. Л.: Сов. писатель, 1989. 349 с.
3. Евстигнеева Л. А. Спорные вопросы изучения поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» // Н. А. Некрасов и русская литература: сб. ст. / под ред. Н. В. Осьмакова и др. М.: Наука, 1971. 510 с.
4. Красносельская Ю. И. Стоит ли искать ключи от счастья? (об источниках и смыслах одного мотива у Некрасова и Салтыкова-Щедрина) // Карабиха: историко-литературный сб. Ярославль: Верхне-Волжск. кн. изд-во, 2006. Вып. 9. С. 110–131.
5. Кошелев В. А. «Материалы для Шексны» (неосуществленный замысел одной из глав поэмы «Кому на Руси жить хорошо») // Некрасовский сб. Вып. 9 / под ред. Б. В. Мельгунова, Н. Н. Мостовской, Ф. Я. Приймы. Л.: Наука, ЛО, 1988. С. 140–149.
6. Евгеньев-Максимов В. Е. Творческий путь Н. А. Некрасова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 285 с.
7. Успенский Г. И. «Кому на Руси жить хорошо» // Некрасов в воспоминаниях современников. М.: Худож. лит-ра, 1971. 598 с. С. 374–375.
8. Михайловский Н. К. Полн. собр. соч. 4-е изд. СПб.: Русское богатство, 1906–1909. Т. 7. СПб., 1909. С. 20–22.
9. Гиппиус В. В. К изучению поэмы «Кому на Руси жить хорошо» // Сб. статей к сорокалетию ученой деятельности А. С. Орлова / ИРЛИ СССР. Л.: АН СССР, 1934. 594 с.
10. Некрасов в воспоминаниях современников. М.: Худож. лит-ра, 1971. 598 с.
11. Некрасов в воспоминаниях современников, письмах и несобранных произведениях. М.: Тип. И. Д. Сытина, 1911. 303 с.
12. Покровский М. Н. Русская история с древнейших времён. М.: Издание т-ва «Мирь», 1913–1914. Т. 5. М., 1914. 215 с.
13. Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. М.: изд-во Моск. ун-та, 1964. 511 с.
14. Захарова Л. Г. Александр II и отмена крепостного права в России. М.: РОССПЭН, 2011. 718 с.
15. Данилова М. Д. «Нет меры хмелю русскому...» (опыт историко-культурного комментария к «пьяному» мотиву в поэме Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо») // Карабиха: ист.-лит. сб. Вып. 6. Ярославль, 2009. 415 с. С. 69–82.
16. Горошкина Н. Е. Пьянство и борьба с ним в эпоху винного акциза (1863–1894 гг.) // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2011. Сер. История. С. 7–13.
17. Богданова О. В., Некрасов С. М. Тенденциозный дуализм авторского видения (глава «Поп» в контексте поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо») // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 1 (20). С. 8–16.

Богданова О. В.

доктор філологічних наук, професор,
провідний науковий співробітник
НДІ освітнього Регіонознавства
Російського державного педагогічного університету ім. А.І. Герцена
olgabogdanova03@mail.ru

Некрасов С. М.

доктор культурології, професор,
директор Всеросійського музею О.С. Пушкіна
(філія – Меморіальний музей-квартира Н.А. Некрасова в Санкт-Петербурзі)
nekrasoff@mail.ru

**ФІЛОСОФІЯ ПИЯЦТВА В ПОЕМІ М.О. НЕКРАСОВА
«КОМУ НА РУСІ ЖИТИ ДОБРЕ»**

У статті пропонується новий погляд на поему М.О. Некрасова «Кому на Русі жити добре» і зокрема на філософію народного пияцтва в розділі «П'яна ніч». У роботі показано, що спочатку прийнята Некрасовим установка на народність поеми зіткнулася з тенденційністю задуму: власні переконання Некрасова-особистості виявилися потісненими загальними демократичними ідеями, сповідуваними Некрасовим-поетом. Якщо друзям Некрасов зізнавався, що єдиною щасливою людиною на Русі може бути п'яний, то в поемі — «епосі селянського життя» — особистісне уявлення виявилось потісненим суспільною турботою про питущий народ-трудівник, соціального страждальця. Розведення двох конфронтуючих полюсів проблеми пияцтва («пити чи не пити?») доповнюється в поемі Некрасова третім доданком-мотивом пияцтва-богатирства, в якому суть російського богатирства полягає в здатності випити непомірно більше ніж інші.

Ключові слова: М.О. Некрасов, поема «Кому на Русі жити добре», глава «П'яна ніч», філософія пияцтва.

Bogdanova O.V.

doctor of philology, Professor,
leading researcher
Research Institute of educational regional studies
Russian state pedagogical University named after A. I. Herzen
olgabogdanova03@mail.ru

Nekrasov S.M.

doctor of cultural studies, Professor,
Director of the all-Russian Pushkin Museum
(branch – Memorial Museum-apartment of N. A. Nekrasov in St. Petersburg)
nekrasoff@mail.ru

**PHILOSOPHY OF DRUNKENNESS IN THE POEM BY
N.A. NEKRASOV “TO WHOM IN RUSSIA TO LIVE WELL”**

The article offers a new look at the poem by N. Nekrasov “To whom in Russia to live well” and in particular at the philosophy of national drunkenness in the chapter “Drunken night”. The paper shows that the initially accepted by Nekrasov installation on the nationality of the poem encountered a tendentiousness of the idea: Nekrasov’s own beliefs as a person were pushed by the general democratic ideas professed by Nekrasov as a poet. If Nekrasov admitted to friends that the only happy person in Russia can be drunker, then in the poem — “the epic of peasant life” — the personal idea was pushed by public concern for the drinking people, the workers, the social sufferers. The separation of the two conflicting poles of the problem of drunkenness (“to drink or not to drink?”) is supplemented in Nekrasov’s poem by the third term — the motive of drunkenness as epic heroism (bogatyristvo), in which the essence of Russian epic heroism consists in the ability to drink excessively more than others.

Key words: *N. Nekrasov, the poem “To whom in Russia to live well”, the chapter “Drunken night”, the philosophy of drunkenness.*

References

1. Nekrasov N.A. (1982). Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 15 t. [Complete works and letters: vol. 1–15]. Leningrad, Saint-Petersburg, Nauka, 1981–2000. Vol. 5. Komu na Rusi zhit’ horosho [To whom in Russia to live well]. Leningrad, 688 p. [in Russian]
2. Buhsttab B. (1989). Zamysel pojemy «Komu na Rusi zhit’ horosho» [The idea of the poem “To whom in Russia to live well”] [in:] Buhsttab B. N.A. Nekrasov. Problemy tvorcestva [Problems of creativity]. Leningrad, Sovetskiy pisatel’, 349 p. [in Russian]
3. Evstigneeva L.A. (1971). Spornye voprosy izuchenija pojemy Nekrasova «Komu na Rusi zhit’ horosho» [Controversial issues of the study of Nekrasov’s poem “To whom in Russia to live well”] [in:] N.A. Nekrasov i russkaja literatura [Nekrasov and Russian literature]. Moscow, Nauka, 510 p. [in Russian]
4. Krasnosel’skaja Ju.I. (2006). Stoit li iskat’ kljuchi ot schast’ja? (ob istochnikah i smyslah odnogo motiva u Nekrasova i Saltykova-Shhedrina) [Is it worth looking for the keys to happiness? (on the

- sources and meanings of the same motive in Nekrasov and Saltykov-Shchedrin) [in:] Karabiha: istoriko-literaturnyj sbornik. Jaroslavl', Publ. Verhne-Volzhskoe izd-vo, issue 9, pp. 110–131. [in Russian]
5. Koshelev V.A. (1988). «Materialy dlja Sheksny» (neosushhestvlenyj zamysel odnoj iz glav pojemy «Komu na Rusi zhit' horosho») [Materials for Sheksna (the unfulfilled idea of one of the chapters of the poem “To whom in Russia to live well”)] [in:] Nekrasovskij sbornik. Issue 9. Leningrad, Nauka, pp. 140–149. [in Russian]
 6. Evgen'ev-Maksimov V.E. (1953). Tvorcheskij put' N.A. Nekrasova [Nekrasov's creative path]. Moscow; Leningrad: Publ. AN SSSR, 285 p. [in Russian]
 7. Uspenskij G.I.(1971). «Komu na Rusi zhit' horosho» [“To whom in Russia to live well”] [in:] Nekrasov v vospominanijah sovremennikov [Nekrasov in the memoirs of contemporaries]. Moscow, Publ. Hudozhestvennaja literatura, pp. 374–375 [in Russian]
 8. Mihajlovskij N.K. (1909). Poln. sobr. soch. 4-e izd. [Complete works. 4 edition] Saint-Petersburg, Russkoe bogatstvo, vol. 7. Saint-Petersburg, pp. 20–22. [in Russian]
 9. Gippius V.V. (1934). K izucheniju pojemy «Komu na Rusi zhit' horosho» [To the study of the poem “To whom in Russia to live well”] [in:] Sbornik statej k sorokaletij u uchenoj dejatel'nosti A.S. Orlova. Leningrad, Publ. AN SSSR, 594 p. [in Russian]
 10. Nekrasov v vospominanijah sovremennikov [Nekrasov in the memoirs of contemporaries] (1971). Moscow, Publ. Hudozh. lit-ra, 598 p. [in Russian]
 11. Nekrasov v vospominanijah sovremennikov, pis'mah i nesobrannyh proizvedenijah [Nekrasov in memoirs of contemporaries, letters and unassembled works]. (1911). Moscow, Publ. Tipografija I.D. Sytina, 303 p. [in Russian]
 12. Pokrovskij M.N. (1914). Russkaja istorija s drevnejshih vremjon [Russian history since ancient times]. Moscow, Publ. Tovarizhestvo «Mirъ», vol. 5, 215 p. [in Russian]
 13. Zajonchkovskij P.A. (1964). Krizis samodержavija na rubezhe 1870–1880-h godov [The crisis of autocracy at the turn of the 1870s-1880s]. Moscow, Publ. Moskovskij universitet, 511 p. [in Russian]
 14. Zaharova L.G. (2011). Aleksandr II i otmena krepostnogo prava v Rossii [Alexander II and the abolition of serfdom in Russia.]. Moscow, Publ. ROSSPEN, 718 p. [in Russian]
 15. Danilova M.D. (2009). «Net mery hmelju russkomu...» (opyt istoriko-kul'turnogo kommentarija k «p'janomu» motivu v pojeme N.A. Nekrasova «Komuna Rusizhit' horosho») [“There is no measure of Russian drunkenness” (experience of historical and cultural commentary on a drunken motif in Nekrasov's poem “To whom in Russia to live well”)] [in:] Karabiha: istoriko-literaturnyj sbornik. Issue 6. Jaroslavl', 415 p. [in Russian]
 16. Goroshkina N.E. (2011). P'janstvo i bor'ba s nim v jepohu vinnogoakciza (1863–1894 gg.) [Drunkenness and the fight against it in the era of the wine excise (1863–1894)] [in:] Izvestija RGPU im. A.I. Gercena. Ser. Istorija, pp. 7–13. [in Russian]
 17. Bogdanova O.V., Nekrasov S.M. Tendencioznyj dualizm avtorskogo videnija (glava «Pop» v kontekste pojemy N. A. Nekrasova «Komuna Rusi zhit' horosho») [Tendentious dualism of the author's vision (Chapter “Pop” in the context of Nekrasov's poem “To whom in Russia to live well”)] [in:] Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2020. № 1 (20), pp. 8–16. [in Russian]

Статтю подано до редколегії 15 березня 2020 р.